

ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ

I. Становление

ОН ЛЮБИТ слово. Любит не по долгу своей актерской службы. По призванию. Впрочем, понятия долга, обязанности и призвания слиты в его сознании. К слову он относится с бережливостью, с уважением, умеет держать его цепко, по-мастерски уверенно. Он хороший рассказчик.

— Дворов, наверное, пятьдесят — вот она и вся наша деревенька. Два порядка деревянных под соломой домишек подбежали к неширокой речушке... Остановились у обрыва, будто озадаченные преградой, да так и остались

стоять. Всмотриваются подслеповатыми окошками в лес на том берегу... Вечерами здесь тихо, так тихо, что слышен шум воды, падающей на далекой мельничной запруде...

Негромкая протяжная песня рождается в такие вот сизые сумерки на завалинке крайней от реки избы. И несется, несется она по реке далеко-далеко...

Дружно живут в этом доме. Небогато, да весело. Ладно сплетаются четыре голоса — два мужских и два женских... Пятому человеку очень песня нравится. Сидит он, по-воробыному нахохлившись, угревшись в старом дедовом овчинном полушубке, пахнущем

махоркой, и кажется ему сквозь сладкую дрему: весь мир такой же простой, понятный и теплый, как эта песня...

Пятый — я. А певцы — дед мой, бабка, отец и мать. Протяжную и широкую песню эту я петь еще не умею. Не хватает дыхания. Зато есть одно дело, за которое я всегда берусь с охотой. Мне шесть лет, но я — грамотей, и деревенские бабы очень меня уважают и только мне одному и доверяют читать им вслух «городские» письма от ушедших на заработки мужей...

Столько недетских тайн доверено мне! И, гордый своим могуществом, я с великодушием знающего себе цену мужичка отказываюсь от обычного деревенского гостинца — серого, в хлебных крошках, ноздреватого кусочка сахара.

Чуду складывать буквы научил меня дед. Сам-то он, как я теперь понимаю, только и мог, что по-печатному фамилию нашу — Провоторовы — сложить. Читать не умел. Мать вот, правда, две зимы в приходскую школу ходила... Зато дед — ох, и великий был мастер истории рассказывать! Да и пельсник он — один такой на всю деревню. Заберусь я к нему на печь — «Деда, сказку!» — так и замечтаюсь в грезах, задремлю...

...И уж не знаю, не помню сейчас, как к нам в избу та газета попала, только с дедовой помощью сложились однажды в метельный январский вечер из крупных черных ее букв два слова холодных, тревожных: «Умер Ленин».

Кто это — Ленин, я еще не знал...

Провоторов любит слово. Рассказывает он не так, как говорит на сцене. Там — конечный результат его работы со словом, итог многотрудных поисков. А сейчас он просто рассказчик, вслух размышляющий, и оттого ноз он для меня в своей непритязательной истории. В истории этой, всплывающей из дней давно минувших, из далекого детства, виден он, рассказчик, в процессе, в исследовательском труде: вслушивается в звучание слова, в ритм его, всматривается в очертания; он словно снимает со слова пробу. И не боится лойти вспять, вернуться к изреченной фразе,

попытаться более ярко проявить ее ядро.

— Помните — «Тень Грозного меня усыновила, Дмитрием из гроба нарекла...» Сцена у фонтана. Вы спрашиваете, с чего началось мое приобщение к театру? С нее, может быть, с «Бориса Годунова» и началось? На выпускном школьном вечере я — мятущийся Самозванец, конечно, при картонной сабле, отвлекающей половину моего внимания. А предом мной — гордая моя, прекрасная Марина! Одноклассница... И оба мы отчаянно стараемся, слова выговариваем, как и положено, со школярским выражением («Молодец, Провоторов, с выражением рассказываешь»), — говаривала на уроках наша словесница, и со сцены я угадываю в полумраке зала счастливое лицо учительницы литературы: мы, драмкружковцы, не подкачали, никто из нас ни слов не забыл, не запнулся, не...

...НУ ВОТ, КАЗАЛОСЬ БЫ, все и ясно. После этих лирических воспоминаний читатель ждет обычного: окончил, мол, школу, поступал в театральное училище или куда там еще актеры будущие поступают, да в первый год, как водится, не прошел по конкурсу, но любовь к театру пересилила, мол, все трудности, и стал Коля учиться на артиста...

А было все не так. Школьный драмкружок — это школьный драмкружок, и от него до народного артиста Николая Провоторова — дистанция огромного размера. Вешек же на дистанции этой никто заранее не расставлял.

ПОЕХАЛ сын крестьянский Коля в Казань. Стал студентом... института инженеров коммунального строительства. Окончил этот институт, как мог бы окончить любой другой — медицинский, педагогический. Через пять лет инженер Николай Провоторов уехал на Алтай. Специальность у него была теперь — дорожник, и строил он, соответственно, дороги. Трудные то были дороги. Я не про житейские трудности говорю, не про неустроенность быта — кого в те годы морозами, да грязью, да гнусом таежным удивить-напугать? Сердце от тоски по сцене разрывалось.

— ...А в душе, чувствую, взрывает: «Не мое это призвание, не то делаю! Мое дело — театр, высшая, по словам Герцена, инстанция для решения жизненных вопросов... Бросить все, забыть про сопромат и логарифмическую линейку, попроситься в труппу? Страшно: а вдруг ошибусь, вдруг все эти мои мечты — блажь дилетанта? Пять лет меня на дорожника учили — чего-то ведь это стоит!...»

Стоило, понимал, дорого... Наконец, не смог все же себя сдержать — пошел к Гвиневу, к художественному руководителю Казанского театра юного зрителя. Гавриил Гаврилович, присматриваясь, дал Провоторову роль ученика Галилея в «Великом еретике», позднее — молодого революционера Лазаревского в «Победе». «Что-то, — сказал, — в тебе есть... Может быть... При серьезной, конечно, работе...»

А потом был Ульяновск, сорок четвертый год... Из Заволжья к театральной площадке, к памятнику Ленину, проступающему сквозь густую морозную дымку над высоким берегом, несколько километров. Бегом, бегом по хрусткому волжскому льду!.. Успеть до начала репетиции встретиться с Кондратьевым. У него в «Кремлевских курантах» — роль Ленина. Сечет лицо колючий снег. Редки прохожие. В такую непогоду не погуляешь. Да и какие прогулки — война... «Все для фронта!» Запыхался, подбежал к гримерной — увидеть бы, как работает над гримом Михаил Леонидович. Приготовил шутивное приветствие, руку к двери протянул... Навстречу — Ленин! «Здравствуйте, товарищ, как самочувствие?»

— Я до сих пор не понимаю, кому я ответил тогда: «Спасибо, хорошо» — Ильичу или артисту... Я был потрясен переполнением Кондратьева. И мог ли я в тот день знать, что всего через несколько лет я сам вот так же выйду из гримерной и увижу во взглядах товарищей по работе такие же восторг и теплоту, которые сразу отзовутся в моем сердце, заставят его замереть. Если бы кто-то попытался предсказать мне: ты будешь играть роль Ленина, я посчитал бы это несбыточной мечтой.

...И вновь Казань. Осень, 1952-й. Володе Ульянову в пьесе Попова «Семья» — семнадцатый. Юноша, почти мальчик. «Куда вы, юноша? Перед вами ведь стена!» — говорит ему пристав с некоторым даже участием, с сожалением что ли... —

«Стена, да гнилая — тнки и развалится...»

— Не каждому исполнителю роли Ленина представилась возможность сначала «прожить жизнь» мальчика Володи, а уж потом воссоздавать образ вождя. Со мной актерская судьба обошлась милостиво...

2. Сверхзадача

— Я ИГРАЮ Ленина. Удавалось ли мне, спрашиваю я себя сегодня, проникнуть этой ролью к сердцу зрителя? Удавалось ли решить сверхзадачу — донести мысль пьесы, ее идею? Удавалось ли, наконец, в какой-то степени продвинуться в решении и «сверх-сверхзадачи», которая, по Станиславскому, есть цель жизни человека-художника, есть идея, владеющая всем творчеством артиста, режиссера, драматурга!..

Я играю Ленина. И когда я живу на сцене в его образе, я хочу быть не просто похожим на Ильича. Пусть это прозвучит, может быть, и дерзко, но я хочу и смею — потому что я художник! — в эти минуты **чувствовать** себя Лениным. Все лучшее во мне высветляется этой ролью. Вот когда строчка из Маяковского «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше» перестает быть для меня формулой поэтической — становится моим кредо.

ТЕПЕРЬ (я знаю это точно) Провоторов говорит о самом главном для себя; сейчас он еще и еще раз стремится предельно четко обобщить, выразить бескомпромиссными словами свою творческую позицию, свое понимание актерской задачи. Не полемический задор — глубокая убежденность заостряет мысль артиста.

— Я верую в высокую миссию театра. Я убежден, что в центре пьес, посвященных современности, должен стоять положительный герой нашей жизни — рабочий, воин, студент, колхозник, ученый — человек с сильным характером, богатый духовно, преданный идеалам нашего общества. Как мне играть такого человека? Где искать силы и мастерство?

«Не стремись к слиянию с образом — несвоевременно это, анахронизм! Оставайся самим собой!..» К чему приводят подобные «модные» призывы? Да и как мне, взирая на роль «со стороны», воссоздавать образ Ленина?

...Год 1970-й. В Краснодарском драмтеатре — первые

спектакли сценической композиции «Незабываемые годы». Луч прожектора, прошив глубокий мрак сцены, вычерчивает абрис двух гранитных монолитов. Колонны Смольного. По гулкому коридору идет «человек с ружьем» Иван Шадрин. Солдат небрит и голоден. Он пришел искать правду.

Ленин очень внимательным, быстрым взглядом окидывает фигуру Шадрина. И чувствует, что взгляд дает ему многое: замечены и серые обмотки, и прожженная шинелишка, и убогий, весь во вмятинах чайник... От всей души я радовался в тот вечер за артиста. Николаю Сергеевичу Провоторову удалось насытить мыслью, не просто мыслью, но действенной мыслью, каждую мельчайшую единицу времени этой первой и, может быть, самой трудной сцены спектакля. Вот он быстрыми шагами (так знаком, так стремительно подавшись грудью и чуть-чуть выставив плечо вперед...) проходит под сводами Смольного. Еще мгновение... Еще... Чувствуется, с каким предельно напряженным вниманием вглядывается зал в ленинские черты. Только что вышел артист на сцену — и узан, и признан, и зрители с первых черточек принимают рисунок образа.

— Так можно ли воссоздать этот образ, не стремясь к слиянию с ним? — повторяет вопрос Провоторов. И сам же отвечает с жесткой категоричностью: — Нет!

Впрочем, он отвечает на него каждый своим выходом на сцену.

ЧТОБЫ иметь право писателю, художнику и артисту рассказывать о людях, необходимо убеждение, что ты знаешь о них не меньше, чем они сами о себе знают. Поверят ли тебе современники? Мне кажется, этот вопрос не может не волновать художника всегда, какой бы степеню мастерства он ни достиг.

Провоторов — актер современный, и сценическое лицо его как современного актера определяется прежде всего его гражданскими устремлениями. Пристальное, настойчивое внимание к человеку, пристрастное отношение к изображаемому, публичность...

Какими бы разными ни были его роли, они возвеличивают нравственную красоту человека.

Ю. МАКАРЕНКО.